

Данный файл является фрагментом электронной копии издания,
опубликованного со следующими выходными данными:

ББК 65.9(2Р)-1
УДК 338.9
П 828

П 828

Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под ред. Е.А. Коломак. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. – 502 с.

ISBN 978-5-89665-352-3

Работа посвящена изучению пространственных аспектов и проблем развития России в период после начала рыночных реформ, актуальность работы связана с особым значением вопросов развития территорий, межрегионального неравенства и географической связности в политике страны. В монографии даются оценки изменений территориальных пропорций, рассматриваются разные географические единицы (макро-регионы, субъекты Федерации, города, муниципальные районы) и разные аспекты пространственных процессов. Авторы анализируют государственную пространственную политику и высказывают рекомендации об эффективных инструментах и механизмах.

Монография может быть полезной для научных сотрудников, практиков и студентов экономических специальностей, чьи интересы связаны с вопросами пространственного развития и региональной политики.

ISBN 978-5-89665-352-3

ББК 65.9(2Р)-1
УДК 338.9
П 828

© ИЭОПП СО РАН, 2020 г.

© Коллектив авторов, 2020 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

[lib.ieie.nsc.ru/docs/2020/Prostranstvennoe_razvitie_sovremennoy_Rossii-2020/
Prostranstvennoe_razvitie_sovr_Rossii.pdf](http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2020/Prostranstvennoe_razvitie_sovremennoy_Rossii-2020/Prostranstvennoe_razvitie_sovr_Rossii.pdf)

ГЛАВА 1 ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1.1. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Важнейшим следствием рыночных реформ в России стало значительное изменение пространственной структуры экономики не в пользу ее северных и восточных регионов. Справедливости ради следует отметить, что процесс ускоренного развития этой части страны остановился уже в конце 1980-х годов. Снижение привлекательности Сибири, Дальнего Востока, по совокупности всех факторов жизни и деятельности, произошло прежде всего в нарастающем оттоке населения из этих регионов, несмотря на все формальные и реальные преимущества в уровне жизни, обеспечиваемые за счет районных коэффициентов к заработной плате, северных надбавок и просто надбавок за длительный стаж работы на Дальнем Востоке и в отдельных регионах Сибири. За последние два года советского периода (1990–1991 гг.) на фоне в целом положительного миграционного прироста у РСФСР (413 тыс. чел.)¹ отрицательное сальдо миграции населения с территории современного Сибирского федерального округа составило 113 тыс. чел., с территории Дальнего Востока – 132 тыс. чел. Уральский федеральный округ потерял 84 тыс. чел., субъекты Федерации, относящиеся к территории бывшего Северного экономического района, – 110 тыс. чел.

Реформа цен в 1991 г. и последующий переход к рыночному ценообразованию, либерализация внешней торговли привели к ожидаемым результатам: пространственная структура экономики изменилась в пользу регионов-производителей и экспортеров топлива, металлов и другой продукции, имеющей спрос на внешнем рынке. Если бы валовой региональный продукт (ВРП) рассчитывался с 1990 г., то наверняка имело бы место увеличение долей Сибирского, Дальневосточного и Уральского федеральных округов в суммарных показателях. Доля этих округов в суммарном промышленном производстве к 1995 г. увеличилась до 37,4% против 29,5% в 1990 г., Северного экономического района – с 4,2 до 6,0% соответственно. Уровень заработной платы в СФО поднялся до 117%, в ДВФО – до 171%, в УФО – до 142% от средней по России против 108, 147 и 117% в 1990 г. соответственно. Почти полностью это было следствием изменения конъюнктуры цен на внутреннем рынке. Но эти успехи не были всеобщими, а достигались за счет увеличения долей ограниченного числа регионов – в Сибири за счет Красноярского края, Иркутской и Кемеровской областей, на Дальнем Востоке – полностью за счет Якутии, на Урале – за счет автономных округов Тюменской области.

Первая коррекция пространственной структуры экономики, которую можно назвать ценовой, закончилась в 1995 г. Следующий этап формирования рыночной модели экономики России – создание вертикально интегрированных корпораций – обусловили концентрацию добавленной стоимости в столичных городах, наиболее удобных для размещения головных офисов этих корпораций – вначале преимущественно в Москве, позднее и в Санкт-Петербурге. Масштабы этой концентрации были настолько велики (в 2008 г. доля столицы в суммарном ВРП достигла 24,3% против 9,7% в 1995 г.), что

---

¹ Миграционный прирост населения оценен по данным о динамике численности населения, численности родившихся и умерших, прямых данных Росстата за эти годы нет.

стали главной причиной сокращения долей почти всех остальных федеральных округов и большинства субъектов Федерации.

На длительность и масштабы концентрации добавленной стоимости сильно повлияло продолжительное и значительное улучшение внешнеэкономической конъюнктуры, приводящее к увеличению доли доходов головных контор корпораций в суммарных доходах по соответствующим видам экономической деятельности. На благополучие непосредственных производителей это изменение конъюнктуры могло и не оказывать заметного воздействия, поскольку основные цены могли не изменяться адекватно изменению рыночных и, тем более, цен внешнего рынка. Самая наглядная иллюстрация этого факта – Тюменская область в период 2005–2008 гг. При увеличении цены реализации российской нефти и газа за три года с 330 долл./т и 152 долл./тыс. куб. м до, соответственно, 663 и 354 ее доля в суммарном ВРП страны сократилась с 12,3 до 9,2%, в налоговых поступлениях в бюджетную систему (в той части, которая распределяется по регионам и видам деятельности) – с 29,9 до 21,2% – львиную долю эффекта от изменения рыночной конъюнктуры цен поглотили федеральный центр и головные офисы корпораций.

Процесс концентрации регистрируемой статистикой добавленной стоимости в регионах размещения головных офисов корпораций, начавшийся еще в период глубокого экономического спада 1990-х годов, интенсивно продолжался и при выходе экономики на позитивную траекторию экономического роста, сопровождаясь и увеличением объемов не распределяемой между регионами и видами экономической деятельности ее части – ее доля в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны поднялась с 9,4% в 1998 г. до 14,5% в 2007–2008 гг. (главные составляющие этой части – доходы федерального бюджета от внешнеэкономической деятельности, т.е. таможенные пошлины, НДС и акцизы, а также часть добавленной стоимости тех видов деятельности, которую Росстат не считает возможным корректно распределить между регионами, прежде всего итоги финансовой деятельности).

1.1.1. Межрегиональные различия в динамике номинальных и реальных показателей развития федеральных округов после 1998 г.

В целом период с 1999 по 2017 год отличался повышенными среднегодовыми показателями роста физического объема – 104,3%. На фоне относительно высоких темпов роста ВВП имели место и высокие темпы роста валового регионального продукта (ВРП) во всех федеральных округах. Номинальный суммарный ВРП за этот период вырос в 33 раза, а реальный, если его динамику оценивать как произведение годовых индексов физического объема, – в 2,22 раза (таблица 1.1). Как следует из данных, приведенных в таблице 1.1, межрегиональные различия в динамике номинального ВРП намного больше, чем различия в динамике его физического объема. Естественный вывод из подобных соотношений состоит в том, что показатели изменения пространственной структуры производств (таблица 1.2), исчисленные в текущих ценах, далеко не всегда отражают реальные изменения в размещении производства.

На изменения пространственной структуры существенно влияли как изменения относительных цен (разные темпы их роста в разных регионах как следствие дифференциации отраслевых темпов роста основных цен), так и изменения институциональной среды в части мест регистрации доходов и их распределения между непосредственными производителями и другими участниками экономической деятельности, начавшиеся во второй половине 1990-х годов с созданием вертикально интегрированных корпораций.

Таблица 1.1

Темпы роста номинального и реального валового регионального продукта за период 1999-2017 гг., раз

Федеральный округ	Номинальный ВРП		Реальный ВРП	
	Рост	Место ФО	Рост	Место ФО
РФ	33,0	–	2,22	–
Центральный	41,2	1	2,36	3
Северо-Западный	34,0	3	2,33	4
Южный	36,6	2	2,58	2
Северо-Кавказский	33,6	5	3,05	1
Приволжский	25,7	8	2,07	6
Уральский	33,8	4	2,07	5
Сибирский	25,7	7	2,06	7
Дальневосточный	26,9	6	1,94	8

Источники: «Национальные счета России» за 2014–2018 гг. Росстат. – М., 2019 и предыдущие издания. Здесь и далее для обеспечения сопоставимости показателей не учитывается динамика производства по Чеченской республике и Крыму.

Таблица 1.2

Пространственная структура суммарного валового регионального продукта, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	28,17	32,01	37,45	35,70	35,74	35,50	34,72	35,15	35,21
Северо-Западный	10,69	10,05	10,01	10,69	10,48	10,29	11,04	11,25	11,03
Южный	5,98	5,73	5,91	6,25	6,22	6,62	6,62	6,71	6,64
Северо-Кавказский	2,23	1,83	1,96	2,26	2,18	2,36	2,38	2,34	2,27
Приволжский	19,09	18,02	15,73	15,41	15,18	15,70	15,42	15,04	14,84
Уральский	14,02	15,05	14,23	13,65	13,61	14,02	13,88	13,78	14,37
Сибирский	13,41	11,94	10,17	10,62	10,98	10,26	10,45	10,33	10,44
Дальневосточный	6,40	5,37	4,54	5,42	5,61	5,25	5,49	5,40	5,22

Источник: «Национальные счета России» за 2014–2018 гг. Росстат. – М., 2019 и предыдущие издания.

Логично предположить, что более достоверные показатели ее изменения можно получить при использовании для расчетов индексов физического объема. Данные таблицы 1.3 иллюстрируют те изменения структуры суммарного ВРП, которые должны были иметь место при отсутствии изменения относительных цен и перемен в географии регистрации итогов экономической деятельности. Динамика за каждый период оценивается производением индексов физического объема ВРП, причем в связи с неоднократным изменением базового года и цен имеет место определенная условность в оценке темпов роста за период. Но каких-либо бесспорных показателей индексов физического объема нет.

Сравнение изменений в пространственной структуре по текущим ценам, и тех, которые показывают расчеты по индексам физического объема (таблица 1.3), приводит к выводу о том, что реальные изменения структуры производства существенно менее значительны, чем следующие из номинальных показателей. Центральный федеральный округ к 2013 г. увеличивает свою долю лишь на 1,6 п.п. (процентные пункты) по сравнению с 1998 г., менее значительны потери Дальневосточного и особенно Приволжского и Сибирского федеральных округов.

Таблица 1.3

Пространственная структура суммарного валового регионального продукта при оценке ее изменений по индексам физического объема, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	28,17	29,48	31,54	30,32	29,84	29,76	29,62	29,77	29,81
Северо-Западный	10,69	10,80	10,90	11,14	11,11		11,29	11,40	11,25
Южный	5,98	6,31	6,49	6,49	6,53		6,85	6,88	6,97
Северо-Кавказский	2,23	2,21	2,67	2,91	2,88		3,08	3,09	3,07
Приволжский	19,09	18,67	17,44	17,38	17,52		18,03	17,89	17,82
Уральский	14,02	13,61	13,44	13,32	13,59		12,96	12,89	13,05
Сибирский	13,41	12,91	12,12	12,53	12,50		12,45	12,39	12,45
Дальневосточный	6,40	6,01	5,40	5,91	6,03		5,71	5,69	5,58

Источник: «Национальные счета России» за 2014–2018 гг. Росстат. – М., 2019 и предыдущие издания.

Вместе с тем имеет место естественная закономерность: если в целом за длительный период регистрируются повышенные (пониженные) темпы роста номинального ВРП, то индексы физического объема также будут повышенными (пониженными). Благоприятные для региона изменения относительных цен и в распределении (регистрации) доходов облегчают достижение более высоких индексов физического объема. Исключением здесь стал лишь Уральский федеральный округ благодаря Тюменской области, где главная отрасль экономики – нефтедобыча – в последние годы имеет отрицательные индексы роста, что негативно сказывается и на сопряженных отраслях: относительная стабильность доли УФО в суммарном ВРП обеспечивалась за счет ценового фактора – роста основных цен, обусловленного ростом удельных затрат на добычу.

Таким образом, если согласиться с утверждением, что оценка изменений пространственной структуры по индексам физического объема ВРП действительно отражает реальные изменения в размещении производства, то следует вывод о том, что на протяжении рассматриваемого периода значительных изменений в пространственной структуре экономики в целом не произошло, а изменения, следующие из показателей таблица 1.3, более правдоподобны, чем рассчитанные по номинальным показателям.

1.1.2. Динамика важнейших натуральных показателей

Тем не менее и индексы физического объема не всегда можно считать идеальными показателями. Обеспечить полное отсутствие влияния на них фактора простой смены мест регистрации доходов, не сопровождаемой изменениями в реальном производстве и товародвижении, практически невозможно. Поэтому сформулированный выше вывод об относительной стабильности пространственной структуры экономики в целом целесообразно подкрепить, опираясь и на другие показатели. Одним из наиболее подходящих для этого показателей на первый взгляд представляется пространственная структура основных фондов. Но их статистика не выдерживает тестирования на предмет пригодности для этой цели.

Основные фонды Центрального федерального округа наверняка переоценены, а точнее, по более высоким ценам оценивается их пассивная часть: доля наиболее фондоемких видов деятельности в этом округе намного ниже, чем в среднем по России. Как ни велика роль российской столицы в таком виде деятельности, как торговля, поверить в то, что на ее территории сосредоточена в физическом смысле почти половина оборудования, зданий и сооружений этой отрасли, невозможно. Равно как и в то, что здесь действительно находится 36% всех основных фондов по «остальным видам деятельности», в которых львиную долю составляют жилищный фонд и сопряженные с ним фонды образования и здравоохранения.

Наиболее надежными обычно считаются натуральные показатели. Прямое отношение к реальным изменениям в размещении производства должны иметь изменения в пространственной структуре численности занятых в экономике (таблица 1.4).

Таблица 1.4

Пространственная структура среднегодовой численности занятых в экономике, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	27,01	27,47	27,87	27,68	27,81	27,97	28,27	30,01	30,24
Северо-Западный	10,10	10,24	10,02	9,87	10,06	11,09	9,99	10,28	10,19
Южный	9,03	8,94	9,09	9,15	9,10	6,78	9,16	9,08	9,15
Северо-Кавказский	4,10	4,10	4,75	4,85	4,51	2,97	4,59	4,66	4,73
Приволжский	22,28	22,03	21,49	21,43	21,26	18,01	20,85	20,00	19,71
Уральский	8,92	8,85	8,95	8,99	8,96	13,32	8,96	8,99	9,06
Сибирский	13,59	13,47	13,33	13,34	13,38	12,47	13,33	12,45	12,40
Дальневосточный	4,96	4,90	4,86	4,91	4,91	5,60	4,85	4,54	4,54

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Приведенные данные находятся почти в полной гармонии с изменениями в пространственной структуре ВРП, рассчитанными на основе индексов физического объема. Отметим также, что изменения в географии численности занятых заметно менее значительны, чем изменения в географии численности населения. Так, доля Дальневосточного федерального округа к 2014 г. по сравнению с 1998 г. уменьшилась всего на 0,12 п.п. (в населении – на 0,47 п.п.), Сибирского – на 0,25 п.п. (в населении – на 0,55 п.п.), Северо-Западный округ потерял лишь 0,13 п.п. (в населении – 0,28 п.п.), а доля Центрального округа увеличилась на 0,82 п.п. (в населении – на 1,08 п.п.). На уровне отдельных

субъектов Федерации отмеченная закономерность проявляется еще более ярко. Так, население Чукотского автономного округа после 1998 г. сократилось на 30%, в то время как численность занятых здесь – лишь на 9%.

Приведенные в таблице 1.4 данные за 2016–2017 гг. демонстрируют не резкое повышение доли Центрального округа в суммарной численности занятых в экономике, а последствия изменения методики отнесения населения к занятым, в результате чего численность занятых в 2015 г. увеличилась по сравнению с 2014 г. на 3587 тыс. чел. (это без учета “крымской прибавки”), причем 2146 тыс. чел. из этого увеличения приходится на Москву и Московскую область, 667 тыс. чел. – на Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Напротив, в Сибирском и Дальневосточном округах масштабы сокращения численности занятых резко возросли.

К другой группе натуральных показателей, которые могут быть связаны с реальными изменениями пространственной структуры экономики в целом, следует отнести товары, потребляемые предприятиями всех видов деятельности. В доступной статистике есть показатели потребления электрической энергии. Данные таблицы 1.5 показывают структуру потребления с учетом потерь и потребления населением. Наиболее значимое увеличение электропотребления произошло в Уральском федеральном округе, что стало существенным фактором снижения долей большинства других округов. Эта динамика находится в определенном противоречии с динамикой ВРП в физическом выражении. Причиной такого противоречия стал быстрый рост электроемкости нефтедобычи, вследствие чего только за 2001–2017 гг. потребление электроэнергии в тюменской промышленности более чем удвоилось (78,3 млрд кВт•ч в 2013 г. против 34,1 млрд кВт•ч в 2000 г.). Если бы электропотребление в Уральском округе увеличивалось средними по России темпами, изменения пространственной структуры электропотребления стали бы ближе к изменениям пространственной структуры ВРП, рассчитанным по индексам физического объема.

Таблица 1.5

Пространственная структура электропотребления, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	19,70	19,66	19,85	20,16	20,31	20,08	20,39	20,44	20,86
Северо-Западный	9,98	9,91	9,84	10,27	10,37	10,24	10,50	10,43	10,55
Южный	5,98	5,74	5,86	5,91	5,99	5,93	5,82	5,81	5,70
Северо-Кавказский	1,89	2,01	2,34	2,07	2,02	1,98	2,06	2,05	2,04
Приволжский	20,56	20,10	19,24	18,44	17,97	18,72	18,54	18,38	18,63
Уральский	14,69	15,13	17,42	17,45	17,74	17,58	17,40	17,18	17,18
Сибирский	22,65	22,64	21,70	21,62	21,44	21,13	20,69	20,64	20,53
Дальневосточный	4,55	4,81	3,95	4,07	4,17	4,32	4,59	4,51	4,51

Источник: Электробаланс Российской Федерации. – http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#

Таким образом, несмотря на возможность появления определенных погрешностей, оценки реальных изменений пространственной структуры экономики в целом по рассмотренным выше показателям подтверждают целесообразность использования для этой цели индексов физического объема. Общим основной вывод сохраняется прежним: радикальных изменений в реальном размещении производительных сил в целом за рассматриваемый период не произошло. Имел место определенный сдвиг в пользу западных и южных регионов, и, соответственно, в формировании суммарного ВРП снизилась роль Приволжского и всех восточных федеральных округов.

Влияние ценового фактора и изменений институциональной среды в части распределения доходов между непосредственными производителями и прочими участниками экономической деятельности на изменения пространственной структуры с течением времени ослабевало, межрегиональные различия в индексах физического объема ВРП уменьшались. В целом за 15 лет различия между максимальными и минимальными среднегодовыми индексами физического объема по округам составили 2,8 п.п., в то время как в начале прошлого десятилетия (2000–2003 гг.) они достигали 4,0 п.п. Следует также отметить, что многие показатели пространственной структуры после 1998 г. изменились в меньшей мере, чем за 1991–1998 гг. В частности, если доля Центрального федерального округа по показателю занятых в экономике к 1998 г. по сравнению с 1990 г. увеличилась на 1,08 п.п., то за последующий, более длительный период, ее увеличение составило лишь 0,81 п.п., для Северо-Западного округа снижение доли составило, соответственно, 0,21 и 0,13 п.п., для Сибирского – 0,30 и 0,25 п.п., для Дальневосточного – 0,41 и 0,13 п.п.

1.1.3. Промышленность и сельское хозяйство

Более изменчива, чем у ВРП, пространственная структура промышленности, особенно в периоды кризисов и послекризисного восстановления. В таблице 1.6 показаны ее изменения при измерении выпуска в фактических ценах, в таблице 1.7 – при использовании индексов физического объема. Здесь, в отличие от сопоставления двух таблиц по показателю ВРП, имеют место не только количественные, но и качественные несоответствия трендов, т.е. влияние ценового фактора и особенностей статистической регистрации доходов на промышленности сказывается сильнее, чем на других отраслях. При использовании индексов физического объема доля Дальневосточного федерального округа заметно возрастает, при использовании фактических основных цен она снижается. Это противоречие может быть объяснено переходом на классификатор ОКВЭД, исключивший из промышленности лесозаготовки и рыболовство, поэтому минимальное значение доли региона приходится именно на 2005 г. На индексы физического объема фактор такого исключения не должен был оказать влияния, и поэтому доля Дальневосточного округа в таблице 1.7 в 2005 г. более чем в 1,5 раза превышает долю в фактических ценах, т.е. она завышена по сравнению с той, которая соответствует современному классификатору видов экономической деятельности.

На картину, отражающую пространственную структуру промышленности, рассчитанную по номинальным показателям, существенное влияние оказывает факт отнесения части итогов по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» на Центральный федеральный округ (фактически – на Москву и по добыче топливно-энергетических ископаемых, в соответствии с детализированным классификатором этот подвид добывающей промышленности называется «оказание услуг в области добычи»). В 2017 г. это 1,3 трлн руб., в 2018 г. – 1,8 трлн руб., в то время как до 2005 г. деятельность головных офисов нефтегазовых корпораций в итоги промышленного производства вообще не включалась, а относилась к «общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка». Если «освободить» округ от этого показателя, то его доля в суммарном промышленном производстве уменьшится, и, соответственно, вырастут показатели у добывающих топливно регионов, но насколько у каждого – на этот вопрос статистика ответа не дает.

Таблица 1.6

Пространственная структура промышленного производства, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	20,95	19,90	26,95	26,50	26,11	26,85	28,08	28,19	28,41
Северо-Западный	11,33	11,71	10,62	12,24	12,39	12,65	12,02	11,68	11,42
Южный	5,03	4,72	5,23	4,99	5,01	5,16	5,63	5,56	5,61
Северо-Кавказский	1,28	1,17	0,98	1,15	1,06	1,00	0,97	1,02	0,95
Приволжский	24,40	24,15	21,27	20,16	20,12	20,27	19,27	19,11	18,75
Уральский	17,23	19,38	20,45	19,68	19,01	18,51	18,04	18,06	18,38
Сибирский	14,07	13,28	11,20	11,41	12,10	11,20	11,48	11,62	11,94
Дальневосточный	5,71	5,69	3,29	3,88	4,21	4,36	4,73	4,76	4,54

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат.– М., 2018 и предыдущие издания.

Таблица 1.7

Пространственная структура промышленного производства при оценке ее изменений по индексам физического объема, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	20,95	23,29	26,17	25,79	25,66	25,07	24,37	24,80	24,63
Северо-Западный	11,33	10,43	11,86	11,79	11,71	11,31	10,48	10,49	10,51
Южный	5,03	5,51	5,99	5,68	5,66	6,18	6,99	7,17	7,29
Северо-Кавказский	1,28	1,41	1,50	1,65	1,62	1,70	1,72	1,83	1,85
Приволжский	24,40	23,79	21,08	20,94	21,74	22,54	21,99	21,75	21,63
Уральский	17,23	16,19	15,00	14,64	14,31	13,23	12,89	12,72	12,77
Сибирский	14,07	13,68	12,34	12,50	12,47	12,90	13,47	13,22	13,25
Дальневосточный	5,71	5,70	6,06	7,01	6,83	7,07	8,10	8,03	8,08

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Ретроспективные тенденции в изменении пространственной структуры сельскохозяйственного производства (таблица 1.8) свидетельствуют о постепенном сокращении в суммарном производстве доли регионов с повышенными издержками, обусловленными природно-климатическими условиями. Поскольку на динамику годовых показателей существенное влияние оказывают изменения погодных условий, логичнее оценивать изменения структуры по средним показателям за пятилетия.

Другой существенный фактор сдвига сельскохозяйственного производства в юго-западном направлении – изменение его структуры в пользу культур, для выращивания которых климат северных и восточных районов неблагоприятен. В растениеводстве это опережающий рост производства кукурузы и подсолнечника – при общем снижении объемов сбора зерновых, производство кукурузы на зерно за 1992–2015 гг. увеличилось в 6,7 раза, семян подсолнечника – более чем в 3 раза. Структура производства продук-

Таблица 1.8

**Пространственная структура сельскохозяйственного производства, %
(средние показатели по пятилеткам)**

Федеральный округ	1995	2000	2005	2010	2015
Центральный	23,0	23,3	21,6	21,8	25,1
Северо-Западный	6,9	6,4	5,6	4,9	4,8
Южный	12,0	11,4	14,2	15,8	15,5
Северо-Кавказский	5,3	5,2	6,9	7,4	7,9
Приволжский	24,8	26,2	26,2	25,1	23,8
Уральский	6,8	7,0	6,7	7,0	6,5
Сибирский	16,2	16,6	15,4	14,6	13,1
Дальневосточный	5,0	3,9	3,4	3,4	3,3

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

ции животноводства также существенно изменилась – весь рост производства мяса (с 2000 г. – удвоение) идет за счет птицы и свинины, и эти подвиды деятельности не требуют пастбищ и сенокосов, их размещение тяготеет к местам размещения потребителей, т.е. к относительно густо населённым регионам европейской части России.

Консервативность пространственной структуры производства после 2000 г. обусловлена относительной стабильностью пространственной структуры инвестиций в основной капитал. Различия между пространственной структурой ВРП, исчисленной исходя из индексов физического объема, и структурой инвестиций невелики и в значительной степени объясняются разной капиталоемкостью региональных экономик. Отдельные достаточно значительные изменения пространственной структуры инвестиций имели, как правило, преходящий характер и были обусловлены “форс-мажорными обстоятельствами” – на Дальнем Востоке до 2012 г.: это саммит АТЭС, строительство ВСТО-2, в Южном федеральном округе до 2014 г.: Сочинская олимпиада, после 2014 г.: крымский фактор (таблица 1.9).

Таблица 1.9

Пространственная структура инвестиций в основной капитал, %

Федеральный округ	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	30,40	26,08	26,80	26,09	24,30	23,07	24,85	25,90	27,53	29,06
Северо-Западный	8,51	10,01	13,43	11,92	11,77	12,46	10,56	10,40	12,64	12,90
Южный	6,65	9,35	6,81	8,07	8,94	9,98	11,23	8,99	7,69	8,21
Северо-Кавказский	2,24	2,23	2,23	2,40	2,84	2,89	2,99	3,02	3,09	2,96
Приволжский	19,00	17,75	16,94	17,01	16,12	15,79	17,17	17,83	17,69	16,64
Уральский	17,15	21,52	16,49	16,98	16,86	16,38	16,17	17,07	19,50	19,41
Сибирский	10,93	8,47	9,62	10,83	10,52	10,77	10,73	10,01	10,49	10,63
Дальневосточный	5,11	4,60	7,68	6,70	8,65	8,65	6,28	6,55	7,26	7,88

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Среди главных особенностей рассматриваемого периода, характерных для всех федеральных округов, следует отметить то, что весь этот период, и особенно промежуток до 2009 г., отличался значительным превышением среднегодовых темпов роста потребления (как «непроизводственного», так и инвестиций в основной капитал) над темпами роста производства. Из трех важнейших макропоказателей во всех округах самые высокие темпы роста имела динамика инвестиций, на втором месте – динамика розничного товарооборота (отсутствие превышения над темпами роста ВРП в Центральном федеральном округе обусловлено тем, что в начале периода значительную роль в объемах розничного товарооборота ЦФО играли покупки, совершаемые в столице жителями других округов).

Следует отметить, что в части показателей потребления изменения пространственной структуры в течение рассматриваемого периода были более значительными, чем в части показателей производства. Здесь изменения пространственной структуры, оцененные по номинальным показателям, почти идентичны изменениям, рассчитываемым по индексам физического объема, ввиду сравнительно небольших межрегиональных различий в темпах роста потребительских цен.

В целом межрегиональные различия по душевым показателям потребления заметно меньше, чем по показателям производства. Показатели долей округов с самыми низкими душевыми ВРП – Южного и Северо-Кавказского федеральных округов – в конечном потреблении на 2 п.п. превышают аналогичные показатели в суммарном ВРП, еще больше это превышение по розничному товарообороту. Напротив, доля Центрального федерального округа в показателях потребления меньше его доли в суммарном ВРП, и была бы еще меньше, если бы оценка этих долей осуществлялась в сопоставимых ценах (равных по всем регионам), а в регистрируемые объемы потребления включались только те покупки товаров и услуг, которые совершает постоянное население соответствующих регионов. Но рассчитать такие показатели наличная статистика возможности не дает (таблицы 1.10 и 1.11).

Таблица 1.10

Пространственная структура конечного потребления домохозяйств, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	38,11	39,32	33,74	33,83	34,10	33,95	34,28	34,64	34,88
Северо-Западный	9,56	9,38	9,97	10,05	10,14	9,86	10,17	10,44	10,54
Южный	6,67	7,02	8,29	8,37	8,60	8,69	9,15	9,18	9,12
Северо-Кавказский	2,45	2,77	3,74	4,15	4,26	4,39	4,61	4,40	4,49
Приволжский	17,12	17,12	17,84	17,86	17,78	17,92	17,38	17,20	17,05
Уральский	8,36	8,20	10,30	9,84	9,42	9,55	9,16	8,95	8,86
Сибирский	12,28	11,49	11,61	11,09	10,92	10,96	10,39	10,29	10,17
Дальневосточный	5,45	4,71	4,52	4,81	4,78	4,68	4,86	4,90	4,90

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Таблица 1.11

Пространственная структура розничного товарооборота, %

Федеральный округ	1998	2000	2008	2009	2010	2013	2015	2016	2017
Центральный	41,54	42,32	33,51	33,94	34,30	34,08	34,20	34,28	34,62
Северо-Западный	9,27	9,04	9,36	9,38	9,39	9,10	9,59	9,86	9,98
Южный	6,46	7,21	8,76	8,73	8,99	9,05	9,58	9,76	9,65
Северо-Кавказский	2,52	2,62	3,86	4,37	4,53	4,69	5,00	4,75	4,75
Приволжский	16,05	17,00	18,37	18,32	18,25	18,56	17,99	17,90	17,82
Уральский	7,34	7,23	10,74	10,17	9,79	9,76	9,16	8,90	8,72
Сибирский	11,45	10,95	11,62	10,98	10,75	10,83	10,10	10,06	9,97
Дальневосточный	4,43	4,15	3,77	4,08	3,99	3,91	4,38	4,49	4,49

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

В самом кратком резюме по поводу изменений пространственной структуры экономики следует отметить, что в целом в размещении производительных сил произошел сдвиг в юго-западном направлении. Несоответствие этому тренду сводных показателей по Северо-Западному федеральному округу целиком объясняется динамикой развития Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей. Если бы территории округов соответствовали прежнему экономическому районированию, то Северный экономический район показывал бы признаки относительного ухудшения по всем позициям. Это касается динамики не только макроэкономических показателей, но и многих важнейших частных. Прежде всего – заработной платы. Если, например, в Республике Коми в 1998 г. средняя заработная плата составляла 162% от среднероссийского уровня, то в 2017 г. этот показатель составил 117%, в Мурманской области он уменьшился с 163 до 133%, в Красноярском крае – с 145 до 105%, в Иркутской области – с 131 до 97%, в Республике Саха (Якутия) – с 228 до 159%, в Камчатском крае – с 225 до 168%, в Магаданской области – с 202 до 193%, в Чукотском автономном округе – с 311 до 235%.

Сдвиг в реальном размещении производительных сил менее значителен, чем тот, который показывают значения номинальных статистических показателей. Эти выводы справедливы и для тех видов деятельности, география которых очень консервативна и приближена к пространственной структуре населения, в частности к пропорциям в размещении объектов образования и здравоохранения. При оценке по номинальным показателям (здесь главная составляющая добавленной стоимости – заработная плата) изменения пространственной структуры будут более значительны, чем при оценке по натуральным показателям – по численности лиц, получающих образовательные или медицинские услуги.

1.1.4. Субъекты Федерации – лидеры и аутсайдеры экономического роста

Федеральные округа – это достаточно крупные экономики, и поэтому межокружные различия в экономической динамике выражены намного слабее, чем при сопоставлении показателей по отдельным субъектам Федерации. В таблице 1.12 приведен список регионов, у которых темпы роста номинального ВРП превысили среднероссийские показатели. Таких регионов за рассматриваемый период было всего 20, и все они, соответственно, увеличили свою долю в суммарном ВРП. Регионов, у которых показатели роста физического объема опережали средние по России, значительно больше – 30 (в таблице 1.13 представлена лишь первая двадцатка лидеров). Все сопоставления здесь и далее выполнены без учета Чеченской Республики, для которой необходимые статистические данные отсутствуют.

В таблицах 1.12 и 1.13 жирным шрифтом выделены субъекты, вошедшие в группу лидеров и по номинальным, и по «реальным» показателям. Как видно, повышенные значения индексов физического объема не гарантируют увеличения доли региона в суммарном ВРП: у восьми таких субъектов из первой двадцатки темпы роста номинального ВРП были ниже средних по России. Также 8 субъектов из 20 увеличили свою долю в суммарном ВРП при отсутствии опережающих индексов физического объема. Изменения пространственной структуры экономики в пользу Юга и Запада подтверждается тем фактом, что из «северо-восточных» регионов лишь один – Сахалинская область – попал в обе таблицы.

Таблица 1.12

Темпы роста номинального ВРП по субъектам-лидерам по динамике этого показателя за период 1999-2014 гг., раз

Республика Дагестан	63,5	Калужская обл.	32,2
Сахалинская обл.	62,9	<i>Воронежская обл.</i>	31,7
<i>Республика Ингушетия</i>	50,9	г. Санкт-Петербург	30,8
<i>г. Москва</i>	39,0	<i>Республика Калмыкия</i>	30,2
Калининградская обл.	36,4	<i>Пензенская обл.</i>	28,2
Краснодарский край	34,7	Астраханская обл.	27,9
Белгородская обл.	33,9	<i>Еврейская авт. обл.</i>	27,6
Ленинградская обл.	33,2	<i>Тюменская обл.</i>	27,5
Московская обл.	33,0	<i>Оренбургская обл.</i>	26,8
Республика Северная Осетия – Алания	32,4	Ростовская обл.	26,4

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат.– М., 2018 и предыдущие издания.

Не все различия между содержанием таблиц 1.12 и 1.13 можно объяснить наличием статистическими данными. В частности, непопадание Республики Ингушетии в лидеры по значению индекса физического объема при очень высоких темпах роста номинального ВРП. Скорее всего, здесь имели место дефекты в расчетах ВРП республики в начале периода.

Аналогичные далеко не полные совпадения имеют место и между списками регионов-аутсайдеров по двум показателям экономического роста (таблицы 1.14 и 1.15, жирным шрифтом выделены аутсайдеры по обоим показателям). Но главное, что бросается в глаза, – это то, что в обоих списках аутсайдеров слишком много северных и восточных регионов.

Таблица 1.13

**Темпы роста физического объема ВРП по субъектам-лидерам
по динамике этого показателя за период 1999–2014 гг., раз**

Республика Дагестан	4,86	Краснодарский край	2,63
Ленинградская обл.	3,21	<i>Архангельская обл.</i>	2,61
Белгородская обл.	3,20	<i>Новосибирская обл.</i>	2,61
Сахалинская обл.	3,13	Республика Северная Осетия – Алания	2,60
Калининградская обл.	2,92	Астраханская обл.	2,59
Ростовская обл.	2,89	Калужская обл.	2,59
<i>Тамбовская обл.</i>	2,81	<i>Омская обл.</i>	2,54
г. Санкт-Петербург	2,79	Московская обл.	2,52
<i>Кабардино-Балкарская Республика</i>	2,70	<i>Свердловская обл.</i>	2,46
<i>Республика Адыгея</i>	2,64	<i>Саратовская обл.</i>	2,43

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Расчет индексов физического объема ВРП более трудоемкий и сложный, чем расчет номинальных показателей, поэтому можно предположить, что ошибки в статистике с большей вероятностью могут иметь место в части оценки «реальных» показателей. В этой связи логично провести тестирование на предмет наличия противоречий между индексами физического объема и важнейшим натуральным показателем – динамикой численности занятых в экономике. В целом по Российской Федерации численность занятых за 15 лет увеличилась на 6,6%. На уровне федеральных округов тройка лидеров по индексу физического объема одновременно является и тройкой лидеров по динамике занятых: это Северо-Кавказский, Южный и Центральный округа, в которых темпы роста занятых превысили среднее по России значение. Напротив, тройка аутсайдеров – Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа одновременно составляют тройку аутсайдеров по динамике численности занятых.

Таблица 1.14

**Темпы роста номинального ВРП по субъектам-аутсайдерам
по динамике этого показателя за период 1999–2014 гг., раз**

Камчатский край	12,5	Костромская обл.	17,3
Магаданская обл.	13,9	Кемеровская обл.	17,4
Мурманская обл.	14,1	Курганская обл.	17,8
Кировская обл.	15,9	<i>Иркутская обл.</i>	18,0
Амурская обл.	16,3	<i>Тверская обл.</i>	18,3
Вологодская обл.	16,4	<i>Пермский край</i>	18,6
Республика Карелия	16,5	<i>Хабаровский край</i>	18,7
Республика Коми	16,5	<i>Орловская обл.</i>	18,9
<i>Республика Бурятия</i>	16,6	<i>Ставропольский край</i>	19,1
Самарская обл.	17,1	<i>Республика Саха (Якутия)</i>	19,6

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Таблица 1.15

**Темпы роста физического объема ВРП по субъектам-аутсайдерам
по динамике этого показателя за период 1999–2014 гг., раз**

Мурманская обл.	1,14	Курганская обл.	1,61
Магаданская обл.	1,22	Вологодская обл.	1,66
Камчатский край	1,24	Амурская обл.	1,66
Республика Коми	1,41	Костромская обл.	1,67
Кировская обл.	1,44	<i>Удмуртская Республика</i>	1,68
<i>Ивановская обл.</i>	1,51	<i>Чувашская Республика</i>	1,70
Республика Карелия	1,54	Самарская обл.	1,72
<i>Республика Хакасия</i>	1,55	<i>Псковская обл.</i>	1,73
<i>Республика Калмыкия</i>	1,61	<i>Приморский край</i>	1,76
<i>Кемеровская обл.</i>	1,61	<i>Республика Тыва</i>	1,80

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

В целом по группе субъектов–лидеров по индексу физического объема опережение по динамике численности занятых имеет место. У половины из этой двадцатки численность занятых увеличилась более чем на 6,6%, еще у шести субъектов она также увеличилась, хотя и на меньшую величину, а у четырех – Тамбовской, Омской, Саратовской областей и Республики Адыгеи численность занятых сократилась. Этот факт дает первое основание усомниться в достоверности высоких индексов физического объема ВРП для упомянутых четырех субъектов. Второе существенное основание – это то, что ни один из них не попал в группу лидеров по динамике номинального ВРП. Кроме того, в Омской и Саратовской областях имеют место заметно пониженные по сравнению со среднероссийскими темпами роста электропотребления, а в Тамбовской оно вообще уменьшилось на 7%.

В группе аутсайдеров по индексу физического объема в целом отмечается снижение общей численности занятых. Она уменьшилась в 13 субъектах, а в остальных семи хотя и выросла, но в меньшей степени, чем по России в целом. Ни в одном из субъектов этой группы не было роста занятости темпами, опережающими средние по стране. У семнадцати субъектов этой группы динамика электропотребления либо отрицательная, либо пониженная, и лишь в трех субъектах темпы роста электропотребления превысили средние по стране – в Республике Хакасии, Удмуртской Республике и Приморском крае. Все эти три субъекта не попадают в группу аутсайдеров по динамике номинального ВРП, все имеют положительные темпы прироста численности занятых, хотя и пониженные, но не символические – соответственно 3,0, 4,0 и 2,8%. Основания полагать заниженность у этих субъектов индексов физического объема есть, но они не такие серьезные, как сомнения в данных по четырём субъектам из группы лидеров.

Количество субъектов Федерации, у которых показатели душевого ВРП превышали средние по России, в 1998 г. составило 20, в 2012 г. и 2013 г. сократилось до 15. Процесс сокращения числа самых благополучных регионов, начавшийся в середине 1990-х годов (в 1995 г. таковых было 26), фактически прекратился в середине прошлого десятилетия. Если взять показатели душевого ВРП в реальном выражении, то с учетом межрегиональной дифференциации цен число благополучных регионов еще меньше. Уменьшение числа регионов с повышенными показателями душевого ВРП практически целиком объясняется увеличением долей Москвы и Тюменской области.

1.1.5. Главная причина большой межрегиональной дифференциации

Очевидно, что сколько-нибудь значимой причиной такой дифференциации не могут быть различия в квалификации рабочей силы и в качестве используемых технологий производства – во всех регионах образовательные стандарты одинаковы и используются одни и те же автомобили, тракторы, компьютеры и другие виды машин и оборудования. Также она не может быть объяснена различиями в возрастной структуре населения в части соотношения общей численности и численности в трудоспособном возрасте или разными уровнями экономической активности населения. Главная причина – огромная дифференциация показателей производительности труда по разным видам экономической деятельности.

Экономически благополучными в современной России являются регионы, либо обладающие уникальными природными ресурсами, либо специализирующиеся на самых выгодных видах деятельности, прежде всего на финансовой деятельности и оптовой торговле. Плюс к тому отдельные регионы попадают в лидеры из-за северного удорожания цен.

Относительно стабилен и состав группы аутсайдеров. У восемнадцати субъектов показатель душевого ВРП составляет менее половины от среднего по России. Во всех этих субъектах есть сельское хозяйство, образование, здравоохранение, розничная торговля – отрасли с самыми низкими показателями добавленной стоимости на одного занятого, но ни в одном нет крупных эксплуатируемых месторождений полезных ископаемых, ни один из 18 аутсайдеров не является ни общероссийским, ни межрегиональным центром оптовой торговли, ни крупным транспортным узлом, ни один из них не является местом регистрации крупнейших корпораций.

Самыми высокодоходными видами экономической деятельности по показателю добавленной стоимости на одного занятого в настоящее время являются добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – примерно в 9 раз выше среднего по всей экономике, добыча прочих ископаемых – в 2 раза выше, оптовая торговля – более чем в 2 раза выше, финансовая деятельность – в 2,5 раза выше, связь – в 1,5 раза выше, операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг – в целом по этой крупной отрасли превышение составляет около 1,4 раза, а по отдельным подотраслям – в несколько раз. Напротив, самыми низкодоходными являются такие отрасли, как сельское хозяйство, образование, здравоохранение, прочие услуги – от 35 до 55% от среднего показателя по стране.

Изменить специализацию регионы практически не в состоянии, т.е. они не в состоянии устранить главную причину очень низких душевых показателей. Точнее, первопричину, которая, в свою очередь, является также причиной понижения показателей добавленной стоимости и в относительно развитых отраслях. В частности, заработная плата учителей и врачей в регионах с высокими показателями добавленной стоимости выше, чем в регионах-аутсайдерах. Межрегиональные различия были бы заметно меньше, если бы работа всех бюджетников оплачивалась по принципу «равная плата за один и тот же труд». Но этот принцип применяется лишь для федеральных бюджетников, а для региональных, составляющих подавляющее большинство, пока сохраняется привязка уровня оплаты их труда к средней по региону.

С учетом изложенного выше, можно констатировать, что сложившаяся, и очень большая, межрегиональная дифференциация в показателях душевого ВРП – это объективная закономерность современной экономики и таковой она останется и в отдаленной перспективе. Государственная политика выравнивания межрегиональных различий через механизм безвозмездных перечислений из федерального бюджета в бюд-

жеты субъектов Федерации уменьшает эту дифференциацию лишь в тех ограниченных пределах, в каких это возможно за счет повышения заработной платы бюджетникам до считающегося “приемлемым для данного региона” уровня.

Составы «слаборазвитых» и «высокоразвитых» регионов, сформировавшиеся в 1990-х – начале 2000-х годов, останутся в основном прежними. Переход региона из одной группы в другую, конечно, возможен, но как исключение, и он маловероятен.

Вместе с тем необходимо отметить, что если до 2005 г. статистика душевых показателей производства показывала тенденцию к увеличению их межрегиональной дифференциации (в 2005 г. доля 10 субъектов¹ с самыми высокими душевыми показателями ВРП достигла 45,1% против 34,7% в 1998 г., 8,3 п.п. этого прироста обеспечила Москва, доля 10 субъектов с самыми низкими душевыми показателями снизилась до 1,5% против 1,7% в 1998 г.), то впоследствии, хотя и не очень интенсивно, начался процесс уменьшения дифференциации душевых показателей производства – в 2014 г. доля десяти лидеров по душевому производству в суммарном ВРП снизилась до 41,9%, доля десяти аутсайдеров увеличилась до 2,2%. Различие в душевых показателях ВРП между группами 10 лидеров и 10 аутсайдеров составило в 2014 г. 5,4 раза против 8,8 раза в 2005 г.

В значительной мере высокая межрегиональная дифференциация душевых показателей обусловлена и межрегиональными различиями в ценах – из десяти регионов-лидеров восемь относятся к “районам Крайнего Севера и приравненным к ним территориям. Напротив, среди регионов-аутсайдеров лишь один можно отнести к отдаленным регионам с экстремальным климатом – Республику Тыва, остальные субъекты – из Южного и Северо-Кавказского округов плюс Ивановская область. В этой связи можно считать, что реальная дифференциация в душевых показателях производства (т.е. такая, которая имела бы место при использовании для расчетов ВРП всех субъектов не фактических, а средних по России цен на товары и услуги) существенно меньше регистрируемой статистикой.

Одним из важных факторов, определяющих попадание регионов в аутсайдеры, является высокая демографическая нагрузка на работающее население из-за повышенной рождаемости, обусловленной этим пониженным уровнем экономической активности женской части населения и более высоким уровнем безработицы. Если бы показатели уровня экономического развития регионов оценивались не по душевым ВРП, а по ВРП в расчете на одного занятого в экономике, то межрегиональная дифференциация таких показателей была бы заметно меньше. В частности, на группу 10 регионов-аутсайдеров приходится 5,39% населения страны, но лишь 4,11% занятых в экономике.

Напротив, душевые показатели некоторых регионов-лидеров можно считать завышенными, так как при расчете душевых ВРП учитывается лишь постоянное население субъекта Федерации, в то время как в создании их ВРП участвуют и временные трудовые мигранты, и большое число лиц, проживающих за границами субъекта, но ежедневно приезжающих сюда на работу.

---

¹ В этих расчетах автономные округа, входящие в состав Архангельской и Тюменской областей, в качестве отдельных субъектов не рассматривались.

1.1.6. О формальных и реальных различиях в душевых показателях производства и потребления

В международной практике сопоставлений душевых показателей производства и потребления используется оценка экономических результатов не по коммерческим курсам валют, а по исчисленным на основе паритета покупательной их способности на национальных рынках (ППС). Необходимость такого критерия обусловлена не только разнообразием валют – страны зоны евро также различаются по величине показателей среднего уровня цен на товары и услуги. По аналогии с методологией международных сопоставлений логично использовать такой же подход и к оценке межрегиональных различий в душевых показателях производства и потребления.

В качестве основы для исчисления региональных показателей “в сопоставимых ценах” можно использовать величины региональных стоимостей так называемого фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ), утвержденного приказом Росстата № 733 от 30.12.2014 г. Это достаточно представительный набор продукции, приближенный к объему и структуре расходов среднестатистического россиянина по представленным в нем позициям – в среднем за 2015 г., требующий 13012 руб. в месяц. Он не ограничивается набором лишь самых жизненно необходимых видов продукции, в его состав включены даже 10 литров водки и 64 пачки сигарет (в расчете на год) на каждого жителя России.

Максимальное различие региональных стоимостей этого набора – двукратное, минимальный уровень цен зарегистрирован в Ингушетии (82,9% от среднего уровня по России), максимальный – в Камчатском крае (165,5%). В таблице 1.16 представлены относительные отклонения стоимостей ФНТУ, соответственно, по десяти регионам-лидерам и регионам-аутсайдерам (регионы-лидеры – в порядке убывания показателя номинального ВРП на душу населения, регионы-аутсайдеры – в порядке возрастания).

Таблица 1.16

Региональные показатели уровня цен фиксированного набора товаров и услуг в 2015 г.,
% к среднему показателю по России*

Регионы-лидеры	Уровень цен, руб.	Регионы-аутсайдеры	Уровень цен, руб.
Сахалинская обл.	134,12	Республика Ингушетия	82,92
Тюменская обл. *	112,18	Кабардино-Балкарская Республика	94,13
г. Москва	142,46	Республика Тыва	91,91
Чукотский АО	158,56	Республика Калмыкия	91,23
Республика Саха (Якутия)	123,06	Республика Дагестан	87,71
Магаданская обл.	143,42	Ивановская обл.	95,61
Республика Коми	110,18	Республика Алтай	111,17
г. Санкт-Петербург	107,94	Республика Северная Осетия	89,97
Красноярский край	101,54	Республика Адыгея	94,00
Архангельская обл. *	111,18	Кировская обл.	93,29

* Тюменская и Архангельская области вместе с автономными округами.

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Во всех регионах-лидерах уровень потребительских цен на товары и услуги превышает средний по стране. Чаще всего это следствие повышенных издержек на производство и доставку, а в Москве и Санкт-Петербурге – следствие высокого уровня заработной платы и иных доходов. Во всех регионах-аутсайдерах средний уровень цен пониженный, за исключением Республики Алтай (таблица 1.17).

Таблица 1.17

Номинальные душевые показатели ВРП в 2015 г., % к среднему показателю по России

Регионы-лидеры	.	Регионы-аутсайдеры	.
Сахалинская обл.	382,9	Республика Ингушетия	26,1
Тюменская обл.	366,3	Кабардино-Балкарская Республика	32,8
Чукотский АО	285,9	Республика Тыва	33,8
г. Москва	248,6	Ивановская обл.	37,3
Магаданская обл.	190,7	Республика Калмыкия	38,1
Республика Саха (Якутия)	176,3	Республика Северная Осетия	40,8
Республика Коми	136,9	Республика Адыгея	41,3
г. Санкт-Петербург	130,8	Республика Дагестан	42,0
Красноярский край	127,3	Республика Алтай	43,9
Архангельская обл.	117,9	Кировская обл.	47,9

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

Таблица 1.18

**Душевые показатели ВРП в 2015 г., исчисленные “по ППС”,
% к среднему показателю по России**

Регионы-лидеры	.	Регионы-аутсайдеры	.
Сахалинская обл.	285,5	Республика Ингушетия	31,5
Тюменская обл.	326,5	Кабардино-Балкарская Республика	34,8
Чукотский АО	180,3	Республика Тыва	36,8
г. Москва	174,5	Ивановская обл.	39,0
Магаданская обл.	132,9	Республика Калмыкия	41,8
Республика Саха (Якутия)	143,3	Республика Северная Осетия	45,3
Республика Коми	124,3	Республика Адыгея	43,9
г. Санкт-Петербург	121,1	Республика Дагестан	47,9
Красноярский край	125,4	Республика Алтай	39,5
Архангельская обл.	106,1	Кировская обл.	51,3

В таблице 1.18 показаны значения душевого номинального ВРП после деления их на коэффициенты превышения стоимости ФНТУ в регионе над средним по России показателем.

Результаты пересчета показателей ВРП в сопоставимые цены показывают, что реальные различия в душевых показателях производства заметно меньше фиксируемых при использовании номинальных показателей. Так, превышение показателя Сахалинской области над показателем Республики Ингушетия, составлявшее 14,7 раза, уменьшилось до 9,1 раза. Не осталось неизменным и расположение регионов как в списке лидеров, так и в списке аутсайдеров.

Статическая оценка масштабов межрегиональной дифференциации душевых показателей производства лишь по двум крайним субъектам полного их списка не так содержательна, как сопоставление экономических результатов по группам и в динамике. В таблице 1.19 показаны особенности изменения соотношений между десятком регионов-лидеров и десятком регионов-аутсайдеров. Отчетливо выражена тенденция к сокращению душевых показателей производства – если в 2008 г. номинальный душевой ВРП десятки лидеров превышал аналогичный показатель для аутсайдеров в 8,65 раза, то к 2015 г. это превышение снизилось до 6,65 раза. При расчетах “по ППС” это превышение уменьшилось до 4,38 раза по сравнению с 5,19 в 2008 г.

Одна из причин сокращения межрегиональной дифференциации – различия в динамике важнейшей составляющей ВРП – заработной платы. Темпы ее увеличения в отраслях с относительно низким уровнем опережали динамику роста в целом по экономике. Так, к 2015 г. по сравнению с 2008 г. средняя номинальная заработная плата в России увеличилась на 96,8%, в то время как в сельском и лесном хозяйстве прирост составил 133%, в образовании – 138%, в здравоохранении – 116%, в отраслях по оказанию прочих услуг – на 122%. В то же время в отраслях с высоким и повышенным стартовым уровнем заработной платы ее прирост был заметно меньше – по виду деятельности “Финансовая деятельность” прирост составил 67%, в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых – 83%, в энергетике – 93%, в строительстве – 61%, в связи – 76%.

Достаточно ли ограничиться пересчетом номинальных значений душевых показателей ВРП в показатели “по ППС” с учетом стоимости ФНТУ, чтобы утверждать, что найдены истинные значения межрегиональных различий?

Есть серьезные основания полагать, что межрегиональные различия уровней цен, исчисленные исходя из номинальной стоимости фиксированного набора товаров и услуг, занижают действительные межрегиональные различия в покупательной способности рубля на региональных рынках. В частности, из-за отсутствия в этом наборе жилья – предмета самой первой необходимости. Так, например, по стоимости ФНТУ различие в ценах между Москвой и Ингушетией составляет 1,72 раза, а по стоимости квадратного метра жилья сопоставимого качества – 4,32 раза. Сопоставимыми с различиями в стоимости жилья являются обычно и стоимость аренды жилья, стоимость дачных и просто земельных участков. Такого рода товары приобретаются редко, но требуют для “среднего человека” расходов в размере его заработной платы за несколько лет.

В ФНТУ не включаются также стоимость услуг образования и здравоохранения, и в рамках исследования масштабов межрегиональной дифференциации показателей производства и потребления не имеет значения, из какого источника осуществляются эти затраты. И межрегиональные различия в стоимости этих важнейших услуг гораздо больше, чем по ФНТУ – так, заработная плата работников образования (она в совокупности с начислениями на нее составляет львиную долю добавленной стоимости в этой отрасли) в Ингушетии в 3,2 раза ниже, чем в Москве, работников здравоохранения – в 2,8 раза. Можно и не доходить до сопоставлений столицы с аутсайдером по душевому

Таблица 1.19

**Сравнительные характеристики динамики производства
в регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах**

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Суммарный номинальный ВРП десятки лидеров, млрд руб.							
14837,1	13662,0	16132,2	19403,2	21014,8	22871,3	24785,7	26933,8
Доля десятки лидеров в суммарном номинальном ВРП страны, %							
43,76	42,68	42,80	42,75	42,09	42,27	42,03	41,62
Суммарный номинальный ВРП десятки аутсайдеров, млрд руб.							
563,3	624,8	698,0	832,1	954,5	1109,7	1231,3	1315,4
Доля десятки аутсайдеров в суммарном ВРП страны, %							
1,66	1,95	1,85	1,83	1,91	2,05	2,09	2,03
Доля десятки лидеров в населении страны, %							
18,21	18,29	18,38	18,52	18,78	18,90	19,04	19,12
Доля десятки аутсайдеров в населении страны, %							
5,98	6,03	6,08	6,13	6,15	6,17	6,18	6,21
Душевой номинальный ВРП по группе лидеров, руб.							
570736	523266	614657	733281	782156	843970	906243	978665
Душевой номинальный ВРП по группе аутсайдеров, руб.							
65947	72571	80411	95088	108488	125559	138680	147141
Превышение номинального душевого ВРП группы лидеров над аналогичным показателем группы аутсайдеров, раз							
8,65	7,21	7,64	7,71	7,21	6,72	6,53	6,65
Суммарный ВРП десятки лидеров, измеренный “по ППС”, млрд руб.							
11455,5	10587,5	12504,1	15239,1	16290,8	17890,0	19608,1	21494,7
Доля десятки лидеров в суммарном ВРП, измеренном “по ППС”, %							
33,78	33,08	33,18	33,57	32,63	33,07	33,25	33,22
Суммарный ВРП десятки аутсайдеров, измеренный “по ППС”, млрд руб.							
725,7	806,0	893,8	1039,7	1182,0	1377,1	1503,4	1595,2
Доля десятки аутсайдеров в суммарном ВРП, измеренном “по ППС”, %							
2,14	2,52	2,37	2,29	2,37	2,55	2,55	2,47
Душевой ВРП “по ППС” по группе лидеров, руб.							
440656	405508	476422	575911	606333	660155	716936	781028
Душевой ВРП “по ППС” по группе аутсайдеров, руб.							
84954	93619	102974	118813	134345	155817	169325	178429
Превышение душевого ВРП “по ППС” группы лидеров над аналогичным показателем группы аутсайдеров, раз							
5,19	4,33	4,63	4,85	4,51	4,24	4,23	4,38

Источники: «Национальные счета России» за 2014–2018 гг. Росстат. – М., 2019 и предыдущие издания; Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. – М., 2018 и предыдущие издания.

ВРП – для всех областей Центрального федерального округа разрыв в цене услуг этих отраслей значительно превышает разрыв в стоимости ФНТУ.

Таким образом, реальные масштабы межрегиональной дифференциации показателей производства и потребления менее значительны, чем даже исчисленные на основе того ППС, который рассчитан на основе различий в стоимости ФНТУ, так как по многим важнейшим упомянутым выше позициям межрегиональные различия в ценах существенно превышают различия в стоимости ФНТУ.

Но если бы состав ФНТУ был существенно расширен за счет включения в него всех производимых и потребляемых товаров и услуг, то и в этом случае межрегиональные различия в уровнях производства и потребления остались бы завышенными. Фактического производства и потребления, а не той его части, которая регистрируется статистикой. А статистика регистрирует только итоги товарного производства, за редким исключением – в России в состав выпуска и добавленной стоимости включается, например, и оценка итогов натурального сектора сельскохозяйственного производства. По самым низким, конечно, ценам и без торговой и транспортной наценки. Все остальные результаты домашней экономики, т.е. самообслуживания, в границы регистрируемого статистикой производства не включаются, а их масштабы в регионах с низкими показателями душевого ВРП, и особенно с высокой долей сельского населения, могут в разы превышать масштабы самообслуживания в регионах с высокими душевыми показателями.

Следует отметить, что при оценке межрегиональной дифференциации душевых ВРП необходимо учитывать, что в значительной мере это просто результат особенностей статистической регистрации экономических результатов. Принятие ВРП в качестве самого главного макропоказателя – не самый лучший вариант для оценки и межрегиональных, и межотраслевых различий. ВРП, как и добавленная стоимость, – это не чистый результат, а сумма результата и части затрат – износа основного капитала, измеряемого величиной амортизации. Если вместо ВРП использовать “чистый региональный продукт”, т.е. ВРП за вычетом износа основного капитала, межрегиональная дифференциация станет еще меньше. И она уменьшится в пользу регионов-аутсайдеров, так как их экономика в среднем намного менее капиталоемкая и, следовательно, по показателю износа основного капитала на душу населения они окажутся в более выигрышном положении. Так, доля десятки регионов-аутсайдеров в суммарном номинальном ВРП в 2015 г. составила 2,03%, а в величине износа основного капитала, если его оценивать по показателю “амортизация основных средств”, всего 0,35% (по показателю фондоотдачи часть аутсайдеров попадает в лидеры экономики). Напротив, доля десятки регионов-лидеров в суммарной амортизации составляла 62,0% против 41,62% в суммарном ВРП. При переходе от показателя добавленной стоимости к показателю вновь созданной стоимости (чистого регионального продукта) пропорция 41,62 : 2,03 изменяется на 40,1 : 2,3, душевые показатели по группе аутсайдеров увеличиваются более чем на 10%, по группе лидеров снижаются более чем на 4%.

И, наконец, даже чистый внутренний продукт не может рассматриваться как лучший и главный целевой показатель экономики. И для регионов, и для страны в целом более значим показатель располагаемого дохода – т.е. той части ВРП (ВВП), которая может быть направлена на потребление и накопление. Россия вследствие рыночных реформ стала страной, не имеющей возможности использовать на эти цели весь произведенный ВВП. В 2015 г. зарубежным инвесторам и кредиторам, а также иностранным трудовым мигрантам пришлось только по счету текущих операций отдать 2,18 трлн руб. – 1,86 трлн руб. как отрицательное сальдо доходов от собственности и 0,31 трлн руб. как сальдо заработной платы. Никакой статистики, позволяющей хотя бы примерно

оценить региональные показатели располагаемого дохода хотя бы в таком усеченном виде, т.е. за вычетом платежей за границу, нет, потому можно рассуждать лишь на качественном уровне. Чисто формально зарубежные займы брали крупные банки и корпорации, зарегистрированные в основном в Москве, они же более всего привлекали и иностранных инвесторов, продавая им часть своих акций, здесь же работает и почти треть иностранных трудовых мигрантов. Но вычитать большую часть этого отрицательного сальдо из московского ВРП, чтобы оценить показатель располагаемого дохода, было бы неправильным, так как эти займы брались не для использования на территории Москвы, и деньги от продажи части активов также распределялись по другим регионам. Но вполне логично предположить, что и прямые, и косвенные обязательства перед иностранными инвесторами группы регионов-аутсайдеров минимальны и не пропорциональны их участию ни в суммарном номинальном ВРП, ни, тем более, участию в суммарном ВРП, исчисленном «по ППС». Поэтому переход к показателю располагаемого дохода на душу населения привел бы к еще большему сокращению межрегиональных различий. Но насколько – даже примерной оценки дать невозможно.

Если же при гипотетической попытке рассчитать показатели располагаемого дохода не ограничиваться лишь платежами за границу, а учесть и все “объективно обусловленные” платежи за пределы региона, то межрегиональные различия изменятся радикальным образом. За счет чьих средств осваивались, например, тюменские нефтегазовые месторождения, строилась вся производственная и непроизводственная инфраструктура региона? Инвестор был преимущественно внешний, т.е. вся страна, где на население Тюменской области приходилась лишь очень малая часть. Внешний инвестор обязан платить заработную плату и положенные по закону налоги. Всё остальное принадлежит ему – и амортизация основных средств, и дивиденды, и вся оставшаяся после уплаты налогов прибыль. Так принято в международных отношениях, и почему бы не распространить это и на межрегиональные. Конечно, в реальности внешний инвестор не забирает у региона все, что может забрать – инвестиции превышают объем амортизационных отчислений, и в основном это инвестиции корпораций, а не из региональных бюджетов.

Переходить на применение показателя располагаемого дохода для оценки межрегиональных различий, даже если бы была возможность его рассчитать, конечно, не стоит – сразу потеряются те особенности, которые есть у показателей валового или чистого продукта – они отражают народно-хозяйственную эффективность региональной экономики. Но авторы этой эффективности, если иметь в виду, например, нефтегазовые регионы, далеко не только постоянное население региона – и сами недра, и те, кто нашел в них нефть и газ, и даже страны ОПЕК, заставившие мир покупать энергоносители по высоким ценам.

Завершая рассмотрение проблемы многообразия оценок масштабов межрегиональной дифференциации, необходимо отметить еще несколько важных моментов. С какой целью считаются эти показатели и что они отражают? Если речь идет об оценке эффективности региональных экономик, то логично рассчитывать не душевые показатели, а показатели в расчете на одного занятого в экономике. Если бы показатели уровня экономического развития регионов оценивались не по душевым ВРП, а по ВРП в расчете на одного занятого в экономике, то межрегиональная дифференциация таких показателей была бы заметно меньше. В частности, на группу 10 регионов-аутсайдеров приходится 5,39% населения страны, но лишь 4,11% занятых в экономике.

Напротив, душевые показатели регионов-лидеров можно считать завышенными, так как при расчете душевых ВРП учитывается лишь постоянное население субъекта Федерации, в то время как в создании их ВРП участвуют и трудовые мигранты, и большее число лиц, проживающих за границами субъекта, но ежедневно приезжающих сюда на работу. Эти факторы особенно сильно завышают «уровень экономического развития» Москвы, где в составе среднегодовой численности занятых более 1 млн иностранных трудовых мигрантов, еще больше ежедневно приезжающих на работу из-за пределов административной границы города. В меньшей степени это касается Санкт-Петербурга, а также отдельных северных регионов – работающие вахтовым методом в среднегодовой численности занятых учитываются, но в состав постоянного населения могут не входить.

1.1.7. Регионы-доноры и регионы-реципиенты

Осталось отметить еще один важный момент. Показатели ВРП не являются полноценными и объективными характеристиками эффективности региональных экономик. Они могут варьироваться в достаточно широких пределах и не только в результате смены мест регистрации итогов экономической деятельности, иногда не совпадающих с местами фактического производства. Этот аспект затронем при рассмотрении проблемы так называемых «доноров» и «реципиентов».

По итогам 2015 г. 54 субъекта Федерации можно отнести к очевидным, безусловным реципиентам. Это субъекты, доходы бюджетов которых меньше всей суммы собираемых на их территориях налогов и сборов. Превышение суммы налогов и сборов над доходами (и расходами) региональных бюджетов имеет место лишь в регионах с весомой долей в экономике добычи нефти и газа и в регионах, имеющих крупные нефтеперерабатывающие заводы. На Дальнем Востоке – это только Сахалинская область, в Сибирском федеральном округе – Омская, Томская, Иркутская области и Красноярский край, в Центральном федеральном округе – Рязанская и Ярославская области, в Северо-Западном – Республика Коми, Архангельская (вместе с НАО) и Ленинградская области и т.д. Исключений из этого правила лишь два – это Московская и Свердловская области.

Превышение суммы налогов над бюджетными расходами – еще не свидетельство возможности полного обеспечения собственными финансовыми ресурсами. Значительная часть региональных потребностей финансируется напрямую из федерального бюджета (полиция, высшее образование, наука и др.). И превышения суммы собираемых налогов над расходами региональных бюджетов, такого как 3 млрд руб. у Сахалина, 16 млрд руб. у Свердловской области, 11 млрд руб. у Волгоградской – не хватит для замены прямых поступлений из федерального бюджета.

Круг очевидных регионов-доноров очень ограничен. Прежде всего это Тюменская область (вместе с автономными округами) – сумма зарегистрированных на ее территории налогов в 4,5 раза превышает сумму доходов консолидированных бюджетов входящих в ее состав субъектов, Томская область (превышение 2,5), Оренбургская область (превышение 2,3), возможно, Удмуртия (превышение 1,9), Самарская область (превышение 1,9), Пермский край (превышение 1,8), Республика Коми (1,7), Омская область (1,6). Почему «возможно»? Консолидированный бюджет РФ в 2015 г. – 26,9 трлн руб., а сумма региональных бюджетов лишь 9,3 трлн руб. (причем в эту сумму включаются и безвозмездные перечисления из федерального бюджета в размере 1,7 трлн руб.), распределенные по регионам налоги – 13,7 трлн руб., т.е. лишь немногим меньше половины.

В рассматриваемой ретроспективе имела место тенденция к увеличению численности безусловных реципиентов – в 2000 г. их было всего 27. Основная причина – снижение доли распределенных по регионам налогов и сборов. В 2000 г. отношение суммы таких налогов к доходам консолидированного бюджета РФ составляло 69%, а к 2012 г. оно снизилось до 47%. Федеральные доходы росли быстрее региональных и частью из них Центр делился с регионами – если в 2000 г. объем безвозмездных поступлений в региональные бюджеты составлял лишь 102 млрд руб., то в последние годы он стабилизировался на уровне 1,7 трлн руб.

Справедлива ли сложившаяся система межбюджетных отношений? Надо ли искать истинных авторов той части налогов, которые не распределены по регионам и считаются общими? Скорее, справедлива, чем нет. Центр забирает деньги у богатых и отдает их бедным плюс реализует те программы, которые не смог бы финансировать ни один из регионов.

Что будет, если установить самую справедливую систему, при которой межрегиональные финансовые отношения будут аналогичны межгосударственным? Например, все налоги изначально регистрируются в регионах, и затем все регионы отчисляют равную их долю в федеральный бюджет. Очевидно, что такая система не сможет быть реализована, потому что у большинства субъектов даже без “равных” отчислений не хватит средств и на самые насущные нужды. И, во-вторых, потому, что у некоторых из субъектов масштабы попавших в их распоряжение средств будут настолько велики, что эффективное их использование на территории региона будет невозможно. Например, бюджет Ямало-Ненецкого АО – 137,6 млрд руб. на 560 тыс. человек. Возможностей эффективной диверсификации местной экономики практически нет. И если после такой налоговой реформы будет 500 млрд руб., то наиболее вероятный результат – роскошный Салехард, огромные заработки чиновников и другие, и миграция сюда людей, не нужных для конкурентоспособных отраслей экономики.

Исследование масштабов «донорства» и «реципиентства» – это непродуктивная тематика, поскольку никаких серьезных конструктивных результатов в направлении снижения этих масштабов быть не может. Применительно к регионам приближения к принципам “хозрасчета”, т.е. самоокупаемости, не может быть, поскольку регионы – не субъекты экономической деятельности. Такими субъектами являются лишь региональные администрации. Главная причина межрегиональных различий в душевых показателях останется всегда и решить ее можно только административными, нерыночными методами, создавая за государственный счет предприятия с повышенными значениями показателей добавленной стоимости на одного занятого, даже если по критериям эффективности их размещение на территориях отстающих регионов нецелесообразно. В противном случае, если бы такое размещение было экономически выгодно, сюда бы обязательно пришел частный капитал.

Масштабы «донорства» и «реципиентства», как и пространственная структура ВРП, сильно зависят от принятой системы учета результатов экономической деятельности. Можно отказаться от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и адекватную сумму взимать через акцизы на моторное топливо и повышенные экспортные пошлины на нефть. Нефтегазовые регионы сразу потеряют значительную часть своего ВРП (это 3,2 трлн руб.), а пошлины и акцизы уйдут в не распределяемую по регионам часть ВВП. Межрегиональная дифференциация заметно сократится, равно как и масштабы «донорства» нефтегазовых регионов. Зато существенно возрастут масштабы «донорства» регионов, имеющих крупные нефтеперерабатывающие заводы. Можно, напротив, поднять внутреннюю цену на нефть через повышение НДПИ и отказаться от экспортных пошлин

– тогда суммарный ВРП вырастет на 3,3 трлн руб., и вся эта прибавка достанется нефтегазовым регионам, соответственно, сильно возрастут и масштабы их «донорства».

Заметно снизить масштабы межрегиональной дифференциации может и изменение географии акцизов. Даже в учебниках по экономике написано, что акцизы – это налог на покупателя. А регистрируются они сейчас по месту производства подакцизных товаров – это опять же нефтеперерабатывающие заводы, заводы по производству алкогольных напитков и особенно табачных изделий. Моторное топливо потребляют все регионы, выпивают и курят повсеместно, а вся слава хорошего налогоплательщика достается только ограниченному кругу регионов, где размещены соответствующие крупные производства. А если брать акцизы по месту реализации подакцизных товаров, и НДС и акцизы формально переложить на потребителя – 4,3 трлн руб. налоговых поступлений будут теперь регистрироваться по месту потребления товаров, а не по месту производства. Взимание налогов станет более затратным делом, количество налогоплательщиков возрастет в десятки тысяч раз, но это будет более справедливая система в части определения реальных масштабов «донорства» и «реципиентства». Такой же подход можно применить и к налогу на добавленную стоимость на импортные товары. Это 1,8 трлн руб., никак не распределяемых по регионам, а оплачивают его потребители. А они есть во всех регионах, и распределение этого НДС пропорционально объемам потребления (в широком смысле, включая и на инвестиционные цели) тоже существенно уменьшит межбюджетные потоки. И, наконец, можно не брать с работников подоходный налог с заработной платы, а обязать их выплачивать его по месту жительства (впрочем, процесс перечисления этих налогов можно и автоматизировать – работник просто поручает бухгалтерии перечислять этот налог по месту региона проживания). И вообще придать этому налогу статус направляемого не в региональный бюджет, а в бюджет муниципального образования по месту жительства. Москва, конечно, будет против – придется потерять сотни миллиардов рублей подоходного налога с тех, кто в городе только работает, но не живет. Таким образом, пространственная структура ВРП, налоговых поступлений в бюджетную систему и межбюджетных трансфертов может быть очень изменчивой.

1.2. ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ*

Пространственные пропорции развития задаются решениями экономических агентов о размещении бизнеса, объектов инфраструктуры и месте жительства. Их выбор определяется большим числом факторов, каналы влияния которых исследуются в разных теориях и формальных задачах. В модели «центр-периферия» изучаются работа рыночных механизмов и роль таких составляющих, как транспортные затраты, издержки взаимодействия поставщиков и потребителей, экономия на масштабе, ёмкость рынка и разнообразие производимых и потребляемых товаров. Сочетание работы этих факторов может приводить как к поляризованному, так и к рассредоточенному распределению в пространстве населения и деловой активности¹. Причем тенденция к пространственной концентрации различается по секторам экономики. Отрасли, связанные с

---

* Параграф подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 19-010-00094\19 «Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы».

---

¹ Combes P.-P., T. Mayer J.-F. Thisse Economic Geography. The Integration of Regions and Nations. Princeton University Press, Princeton, NJ. 2008. – 399 p.